

УДК 83.3(2Рос=Рус)1

И.Ф. ГЕРАСИМОВА,
*кандидат филологических наук,
доцент кафедры общенаучных дисциплин
Рязанского института (филиала)
Московского государственного университета культуры и искусств
(Российская Федерация)*

ГЕРОИЗАЦИЯ КАЗАЧЕСТВА В РУССКОЙ БАТАЛЬНОЙ ЛИРИКЕ ПЕРИОДА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В статье рассматривается выражение казачьего героизма в русской батальной лирике периода Первой мировой войны. Показаны истоки подвига: связь с героическим прошлым предков, домом, семьей, родной природой. Установлено особое значение образа тихого Дона как образа-мифа, колыбели казачества.

Ключевые слова: русская батальная лирика периода Первой мировой войны, казачья лирика, преемственность, традиции, Первая мировая война.

Первая мировая война явила немало примеров героического служения Отчизне. Так, например, в казачьей лирике – разновидности батальной поэзии периода Первой мировой войны – с документальной точностью воссозданы образы многих прославленных героев. На одном из них стоит остановиться особо.

В конце июля – начале августа 1914 г. стало известно о боевом столкновении донских казаков с неприятелем и о «молодецком деле» [1, с. 7] казака Козьмы Крючкова, который «лично убил 11 немцев, а сам получил 16 ран» [1, с. 1]. «Громкий подвиг казака Крючкова, открывший длинный ряд случаев награждения нижних чинов орденом св. Георгия за выдающиеся подвиги личной храбрости» [2, с. 61] был отмечен Георгиевским крестом 4-й степени – символом солдатской доблести.

Не оставил без внимания героический поступок своего земляка и донской казак В. Петров, поместив в сборнике «Вперед, герои! Стихи донского казака В.И. Петрова» адресованное Козьме Крючкову стихотворение «Казак» [3, с. 5–6]. В нем поэтизируется личная храбрость героя, но главное, на чем автор акцентирует внимание, – это постоянная воинская готовность казака, зачастую требующая полной самоотдачи и воспринимающаяся как естественное состояние члена воинского сословия:

В его груди огонь разлит,
В его глазах – презренье к страху...

Казак остался казаком,
Ничуть душой не изменился:
Как будто с пикой и конем
На Божий свет казак родился!..

Нет, не померкла наша слава,
Огонь во взорах не потух,
Врагам страшна казачья лава,
И жив казачий, гордый дух! [3, с. 5–6]

Отметим также, что в лирике В. Петрова образ К. Крючкова оказывается сопряженным с образом коллективного героя – казака, верного сына тихого Дона, для которого отвага – обычное явление. Именно в таком ключе представлен образ Георгиевского кавалера в стихотворении «Раненый казак» [3, с. 31–32] того же автора:

Хвала тебе, донской казак Крючков,
Хвала вам, храбрые донские атаманы! [3, с. 32]

Поэт Александр Петров художественно мифологизирует своего персонажа, поднимая его в стихотворении «Казак» [4, с. 101] до уровня эпического героя: «По полю бешено не-сется, / Как ураган, казак-джигит; / В нем пульс военной жизни бьется, / И кровь горячая кипит. / Перед врагом он не сробеет, / И, крикнув русское “ура”, / Он постоять всегда сумеет / За Русь, за Веру, за Царя!» [4, с. 101].

Владимир Вишняков в былинке «Первые герои в нашу войну. Казак Крючков и казначей Соколов» [5, с. 3–6] также отдает должное подвигу героя. В соответствии с фактами, известными из сообщений в прессе [6, с. 4], автор называет количество поверженных К. Крючковым врагов (11 человек), подчеркивая, что сам герой получил в бою 16 ран. Это позволяет в полной мере отдать должное героическому поступку современника, равному, по мнению поэта, подвигу былинного богатыря земли Русской. Не случайно автор называет его «вторым Ильєю Муромцем».

Автор соединяет в одном произведении имена прославленного казака и калишского губернского казначея Соколова, расстрелянного германцами за отказ предоставить в их распоряжение городскую казну. Поэт, стремясь сохранить память о героях, выдвигает на первый план идею единства различных сословий русского общества перед лицом грозной опасности. Ключевой мотив этого стихотворения – сила народного единения – выражен в финальном стихе: «Хвала живым, а мертвым – слава!» [5, с. 6].

Владимир Воинов также отдал должное подвигу К. Крючкова, посвятив «первому Георгиевскому кавалеру донскому казаку Козьме Крючкову» диптих «Голос Дона» [7, с. 111–116]. Автор вводит в стихотворение образ «шипкинского героя» – «старого деда Данилы». Он «припомнил... годы / Бранного труда: / Как ходил в чужие страны / Из родимых мест / Добывать на тело раны, / На рубаху крест...» [7, с. 114], и вслед за молодыми станичниками отправился воевать с врагами родины за справедливость. Сопоставляя современную ему войну с русско-турецкими событиями XIX в., автор подчеркивает, что истоки подвига героя-казака Козьмы Крючкова следует искать в славных боевых традициях казачества, в неразрывной связи с предками.

Русские поэты в своих стихотворениях называют и товарищей Козьмы Крючкова, также получивших Георгиевские кресты за храбрость в августе 1914 г. Это Иван Щегольков, Василий Астахов и Михаил Иванков*. Известно стихотворение Александра Петрова «Герои-казаки» (1914) [8, с. 8–9], в котором прославляется совместно совершенный ими подвиг. «Побеждать донцам не внове – / Дон бесстрашным вечно был!» [8, с. 8], – подчеркивает автор. Героический пафос, символизация образа «тихого Дона» как святыни казачества налицо.

Все произведения, описывающие подвиг К. Крючкова и его товарищей, характеризуются ярко выраженной документальностью, напоминают фронтовые очерки и призваны в условиях военного времени не только рассказать о героях, запечатлеть их образы в памяти поколений, но и научить на их примере мужеству других участников военных сражений.

Многие произведения казачьей лирики, как уже отмечалось, имеют фактографическую основу. Например, в стихотворении В. Петрова «Кавалерийская дивизия генерала Гурко» [3, с. 10–11] повествуется об успешно проведенных этим воинским соединением боевых операциях: «Его дивизия лихая / В боях творила чудеса / И, всюду рыская, летая, / Имела зоркие глаза» [3, с. 11]. Автор характеризует действия отважного командира, подчеркивая, что его забота о сохранении жизни солдат является немаловажным условием победы: «Не пали мы в войне неравной: / Казак душою понимал – / Его водил к победе славной / Неустрашимый генерал. / Невозмутим, всегда спокоен, / Он никогда не отступал...»

*Фамилия героя иногда писалась иначе: Иваньков [6, с. 4].

[3, с. 10]). В полном взаимопонимании военачальника и его подчиненных поэт усматривает залог победы. Не случайно В. Петров заканчивает свое произведение *здравицей*: «Пред нею немец, отступая, / Обороняться не дерзал. / Ура, дивизия, лихая, / И славься, Гурко-генерал!» [3, с. 11].

Стихотворение «Под Праснышем» [3, с. 12-13] В. Петрова также имеет фактографическую основу. В нем отражены действия 1-й и 12-й русских армий, в составе которых храбро сражались казаки. Генерал А.М. Зайончковский свидетельствует: благодаря успешно проведенной русскими войсками так называемой Праснышской операции (1915), «германцы перешли к обороне на всем Восточно-прусском фронте», что совпало «с намерением русского главного командования перенести центр дальнейших операций в Карпаты» [9, с. 359]. Подчеркивая значимость этой локальной победы, поэт завершает *здравицей* и это свое произведение:

Хвала Тебе, наш Царь Великий,
И славься, русский богатырь! [3, с. 13]

Та же композиционная модель (описание конкретного исторического события, завершаемое *здравицей* в честь русских воинов-победителей) положена также в основу стихотворения В. Петрова «Взятие Перемышля» [3, с. 14–15]. В нем автор повествует о падении хорошо укрепленного оборонительного сооружения австрийской армии – крепости Перемышль – 8 марта 1915 г., когда был взят в плен ее гарнизон, состоявший «из 9 генералов, 93 шт.-офицеров, 2.500 обер-офицеров и чиновников и 117.000 нижн. чинов. Сверх того, по полученным сведениям, до 40.000 вышло из строя убитыми и пленными и 20.000 находится в госпиталях» [10, с. 494]. Этот боевой эпизод, как казалось тогда современникам описываемых событий, свидетельствовал о будущих безусловных победах русской армии:

В тылу, в Галиции, отныне
Не будет нас тревожить враг:
Над неприступною твердыней
Взвился трехцветный русский флаг.

Ликуй, великая держава,
Твои сыны идут вперед,
В сиянье дня орел двуглавый
В Берлин направил свой полет [3, с. 14–15].

Как и два предыдущих, стихотворение завершается хвалой в адрес «храбрых солдат», «верных сынов России». Заметим, что процитированные выше стихотворения В. Петрова по своей жанровой природе созвучны древнерусским воинским повестям: в них сюжетно-повествовательное начало превалирует над собственно лирическим.

В анализируемых произведениях складывается своеобразный «миф казачества». Так, Борис Богомолов в стихотворении «Казачи» [11, с. 8–9], подобно В. Вишнякову, рисует образ своего героя, уподобляя его «ратному богатырю» Илье Муромцу. Автор подчеркивает, что и быллинного, и современного ему героя «вскормила» «чудотворица» – «родная Русь». Именно поэтому «витязю» присуща «сила, удаль», верность воинскому долгу, царю и Отечеству:

Скачет с посвистом да с гиком,
Степь донская широка!
Есть ли в мире где великом
Кто отважней казака?

Он не ведает ни страха,
Ни преграды на бегу...
Чуть мелькнет его папаха, –
Смерть надменному врагу!

Весь огонь он, весь отвага,
Пули свищут – ничего,

Грозный, верный страж у стяга
Государя своего!

Он несется, как стихия,
Божьим пламенем горя
Он бессмертный сын России... [11, с. 9]

В стихотворениях рассматриваемого ряда указывается на особый уклад жизни представителей воинского сословия, на соблюдение передающихся из поколения в поколение «заповедей казака», что, по мнению авторов, не может не способствовать проявлению героизма. Например, в стихотворении А. Кудаткина «Заповеди казака» [12, с. 3–6] автор перечисляет требования казачьего кодекса чести. Это верность присяге («За царя и Русь святую» [12, с. 3]); единство российского казачества («Гей, казак, сомкнись и встань!» [12, с. 3]); вера в силу и заступничество Матери-земли («Лес и горы, и провалы, / Речки шумные, болота – / Мы свои...» [12, с. 3]) и в Провиденье («Быть чему – не миновать» [12, с. 4]); боевая выучка («Быстрота и глазомер, / Натиск» [12, с. 4]); черты характера («Храбрость города берет» [12, с. 4]), «казаки не простаки – / Вольные ребята» [12, с. 5]); приверженность мирному и ратному труду («...уборка или битва – / Там и здесь всегда успеем» [12, с. 5]).

Как уже указывалось выше, центром «казачьего мифа» неизменно выступает «батюшка Тихий Дон», колыбель казачества. Так, в стихотворении П. Антонова «Прощание казаков с Доном» [13, с. 75–76] образу Дона приданы черты, характерные для фольклорных произведений: он «суровый витязь», который, однако, способен печалиться об их возможной гибели на поле боя: «Блещут волны Дона светлыми слезами» [13, с. 75]. Архетип дома, семьи усиливает тревожное ощущение надвигающихся военных событий, сопряженных со смертельной опасностью: печалится не только Дон, но и «вольных атаманов потемнели лица, / Из бровей косматых грустно блещут очи, / И слезой прощальной ус их серебрится, / И с тоскою на Дон смотрят в сумрак ночи» [13, с. 76].

Сходный образ Дона воссоздается и в уже цитированном стихотворении В. Петрова «Раненый казак» [3, с. 31–32]. Здесь, используя поэтику сна, автор рисует воображаемую герою картину победоносного завершения войны, во многом предрешенного храбростью доблестных сынов Дона:

И видит он героев длинный ряд,
Героев тихого воинственного Дона.
Идут полки. Победою шумят
Священные казачие знамена [3, с. 31].

Еще одним значимым атрибутом духовной силы казаков является казачья *песня*, знаковая героям с колыбели и также олицетворяющая для них образ отчего дома, Родины, неизменно придающих казаку силу в бою, питающих его отвагу. Об этом сказано в стихотворении В. Петрова «Простор полей необозримый...» [3, с. 25–26]:

Казак поет, и в песне звучной
Пылает боевой огонь.
Он не один: с ним неразлучно
Его товарищ – верный конь.

И льется песня, льется звонко
Неудержимую волной
Где ты, родимая сторонка?
Где ты, мой милый край родной? [3, с. 25]

Нельзя не отметить в этой связи и проявление в казачьей лирике, раскрывающей героический образ казака, его неразрывную связь с конем – *кентавризм*, с родной природой, неизменно питающей казачью силу, что объясняется следованием казачьей лирики периода Первой мировой войны традициям казачьего фольклора. Так, например, в стихотворении С. Толстова «Ночлег казаков» [7, с. 105–107] читаем:

Чу! вот песню запевают
Молодые голоса;
Песне льющейся внимают
И простор, и небеса.
И звучит в той песне вольной
Далеко для всех сторон
Слава родины раздольной,
Где течет широкий Дон...
Ночь свой полог распустила...
Блещет речка, как алмаз,
И небес простор безмерный
Смотрит тысячами глаз.
Будто это звезды-очи,
И поля, и небосклон
Берегут в молчанье ночи
Казачков желанный сон [7, с. 106–107].

Таким образом, следует констатировать, что в произведениях исследуемого ряда создан яркий собирательный образ казака, для которого героизм является естественным состоянием.

Он выражает сущностные характеристики казачьего менталитета – такие, как свободолюбие, лихая отвага, умение воевать.

Герой, как правило, является победителем. И в боевом, и в духовном единоборстве его превосходство над врагом очевидно.

В стихотворениях создан не только исторически достоверный, но и психологически убедительный портрет героя-казака, что свидетельствует об их связи как с фольклором, так и с «большой» русской литературой (прежде всего, с произведениями М.А. Шолохова), что позволяет более глубоко осознать и отобразить память поколений, запечатлеть глубину и красоту народного характера, разнообразить жанровую палитру лирических произведений казачьей тематики.

Авторами указываются источники ратной и духовной силы казака. При этом основным является воспетый в казачьем фольклоре «тихий Дон». Он «предстает как образ-миф, патриарх казачьего рода, средоточие дедовской славы, как источник непреходящей преемственности духовного и воинского наследства» [14, с. 175]. Персонализация Дона в образе седого патриарха – «батюшки» – выявляет сердцевину «казачьего мифа», казачьей героической эпике. Лирический герой теряет свою автономность, растворяясь в массовом, коллективном, «соборном» образе казачьей массы, тем самым обозначается особое качество народной общности – воинская соборность.

Поэты, пишущие о казачестве, рассматривают события Первой мировой войны со сходных ценностных позиций, коренящихся в общности ментальных основ национального самосознания, в единстве исторического опыта.

Список использованных источников

1. Неустрасимый герой Донской казак Кузьма Крючков и его славные победы над врагами, как он один убил одиннадцать немцев. – М.: А.Д. Сазонов, 1914. – 16 с.

2. Шеманский А.Д. Очерки Великой Европейской Войны. Статья Генерального Штаба полковника А.Д. Шеманского / А.Д. Шеманский // Великая война в образах и картинках / Под ред. Ив. Лазаревского; Издание Д.Я. Маковского. – М.: Товарищество типографии А.И. Мамонтова, 1914. – Вып. 2. – С. 57–62.

3. Петров В.И. Вперед, герои! Стихи донского казака В.И. Петрова / В.И. Петров. – М.: Типография Товарищества А.Д. Сытина, – 1915. – 32 с.

4. Петров А. Казак / А. Петров // Военный мир. – 1914. – № 5. – С. 101.

5. Вишняков В.А. В тылу армии. Лиризм / В.А. Вишняков. – М.: Культура, 1914. – 15 с.

6. Рассказ казака Крюčkова // Война. – 1914. – № 8 (Русский солдат на войне, его отвага, добродушие и юмор / Составил Альбионов). – С. 4.

7. Современная война в русской поэзии: Вып. 1–2 / Сост. Б. Глинский. – Пг.: Типография т-ва А.С. Суворина «Новое время», 1915. – Вып. 1. – XIV, 276 с.
8. Петров А. На бой – за Родину, за честь. Вторая Отечественная война 1914 года / А. Петров. – М.: Тип. А.Д. Плещеева, 1914. – 16 с.
9. Зайончковский А.М. Первая мировая война / А.М. Зайончковский. – СПб.: Полигон, 2002. – 878 с.
10. Обзорение войны (с 6 по 12 марта) // Летопись войны 1914 – 1915 гг. – 1915. – № 31. – 21 марта. – С. 490–496.
11. Богомоллов Б. Сказы. Подарок воинам / Б. Богомоллов. – Пг.: Типография товарищества «Наш век», 1914. – 15, [2] с.
12. Кудаткин А.И. Жертвам войны!. С миру по нитке – голому рубашка. Вып. 1: Заповеди казака. Казачьи песни и военные стихотворения / А.И. Кудаткин. – Тифлис: Типография «Экономия», 1915. – 16 с.
13. Антонов П. Прощание казаков с Доном / П. Антонов // Военный мир. – 1914. – № 2. – С. 75–76.
14. Герасимова И.Ф. Художественно-философское осмысление Первой мировой войны в русской поэзии 1914 – 1918 гг. в историко-культурном контексте эпохи: монография / И.Ф. Герасимова. – Рязань: РИД, 2013. – 352 с.

У статті розглядається вираження козацького героїзму в російській батальній ліриці періоду Першої світової війни. Показано витоки подвигу: зв'язок з героїчним минулим предків, будинком, сім'єю, рідною природою. Встановлено особливе значення образу тихого Дону як образу-міфу, коліски козацтва.

Ключові слова: російська батальна лірика періоду Першої світової війни, козака лірика, спадкоємність, традиції, Перша світова війна.

The article considers the expression of the Cossack heroism of Russian battle lyrics period of World War I. Shows the origins of feat: the relationship with the heroic past of ancestors, home, family, mother nature. Established a special value of the image as the image of the quiet don-the myth, the cradle of the Cossacks.

Key words: Russian battle-lyrics time of the First World War, the Cossack lyrics, continuity, tradition, World War I.

Одержано 21.04.2014.